

Н.М. КАРАМЗИН В ОЦЕНКЕ АВТОРОВ «МОСКОВСКОГО ТЕЛЕГРАФА»

© 2011 Л.А.Сапченко

Ульяновский государственный университет

Статья поступила в редакцию 09.11.2010

В данной статье рассматривается широкий спектр мнений о творческой деятельности Н.М.Карамзина, получивший отражение на страницах журнала «Московский телеграф» в течение 1825 – 1830 гг.

Ключевые слова: критика «Истории государства Российского», «Московский телеграф», оценка роли Н.М.Карамзина в русской культуре.

Русские журналы 20-х гг. XIX в. стали ареной многолетних, пространных и ожесточенных споров о Карамзине и его «Истории...»¹. «Московский Телеграф» (далее – МТ) отразил широкий спектр мнений о Карамзине и его роли в русской литературе и историографии. С 1825 по 1830 г. на страницах журнала было опубликовано около 15 материалов о Карамзине. Основной массив статей составляют работы Н.А.Полевого.

Н.А.Полевой в своей статье 1825 г. «О новейших критических замечаниях на историю государства Российского, сочиненную Карамзиным» приводит уже устоявшиеся и для многих, как он считает, бесспорные оценки Карамзина: «почтенный муж», автор «важного творения, которому суждено было первое место в российской литературе» (МТ. 1825. Ч. 4. С. 234). Но далее он пишет, что еще не появилось серьезных критических разборов, содержащих истинную оценку труда Карамзина. Полевой утверждает, что истинную оценку творению дает не общая молва, а приговор знатоков, критика избранных, и только ее строгий суд определяет достоинство творения. Автор статьи помещает обзор имеющихся работ. В публикации М.Т.Каченовского «От киевского жителя к его другу» он не приемлет «грубый слог», незавершенность, «сбивчивость суждений». У Н.С.Арцыбашева он замечает тенденциозность, а его критику на IX том вообще не рассматривает. Лелевель, по мнению Полевого, не столько разбирает «Историю» Карамзина, сколько излагает свои мнения «о разных исторических предметах». У Д.З. (Дмитрия Зубарева) Полевой отмечает предвзятость и неверность толкований вырванных из контекста суждений историографа (в частности, о последствиях тата-

ро-монгольского ига). Характерно, что в имеющихся суждениях Полевой замечает две крайности: либо «безотчетный восторг», либо «какое-то неприятное чувство» – кроме критики г.Лелевеля (МТ. 1825. Ч. 4. С. 240). Справедливое мнение, что «критик, решившийся рассмотреть важное творение ... должен возвыситься до той степени величия, на которой стоит творение, им рассматриваемое», не содержит ли претензию на собственное обладание подобным величием?

В XVI ч. МТ за 1827 г. за подписью П. была помещена рецензия на публикации Н.Д.Иванчина-Писарева о Карамзине. Поэт, эссеист, историк Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (1790 – 1849) входил в группу литераторов, которых принято называть «эпигонами» Карамзина. Между тем суждения Иванчина-Писарева о Карамзине предстают весьма обоснованными. Активный участник полемики вокруг «Истории государства Российского», Иванчин-Писарев в своем «Письме к кн. П.И.Шаликову», выделил толпу «крикунов» – фанатичных поклонников всего творчества историографа и «беспристрастных» – признающих истинный талант Карамзина, отдающих ему дань глубокого уважения, но не считающих совершенным во всех отношениях труд историографа, признающих необходимость его «истинной критики» в интересах дальнейшего развития науки и литературы»².

Свой *восторг* по отношению к Карамзину Иванчин-Писарев считает *следствием наблюдения*. Критик отмечает краткость в повествовании и беспристрастность в суждениях; умение «удерживать восторги сердца, пленяющегося высокими добродетелями предков, быть русским, но писать как гражданин вселенной, писать для всех веков и народов. Вот что, – резюмирует автор статьи, – озаряет лучом бес-

⁰ Сапченко Любовь Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии.

E-mail: ssj-sla@mail.ru

¹Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М.Карамзина в оценках современников. – М.: 1989.

² Там же. – С. 52.

смертия творения Карамзина и вот что ускользает от умозрения обыкновенных читателей!»³.

После смерти Карамзина Н.Д.Иванчин-Писарев выступил в Литературном Музее с Похвальным Словом Карамзину, опубликовал в МТ «Эпитафию Российскому Историографу ...» (МТ. 1826. Ч. 9. С. 161), а затем издал сборник афоризмов и фрагментов из его сочинений «Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя» (М., 1827. Ч. 1 – 2). Рецензент *П* подверг эти материалы резкой критике: «...человека достойного похвал всего лучше похвалим, когда, без декламаций и восклицаний, философически рассмотрим, что он сделал, и что напротив панегирик человеку недостойному похвал, всегда будет пуст и ничтожен, как бы кто ни надувался хвалить. ... Риторически блестящие, набор слов, гиперболы служат ныне признаком или недостатка дарований оратора, или недостойности предмета им хвалимого.

Так судя о панегириках, спрашиваем: выполнил ли г-н И.П. предмет своего Слова? Изложил ли он жизнь и творения Карамзина достойным образом? Исчислил ли заслуги его во всех отношениях, как философ, как историк? Немало! ...» (МТ. 1827. Ч. 16. С. 78). Что касается другого издания, то рецензент *П* полагает, что подобные *духи* разных писателей есть «самые ничтожные книги» и из них нельзя получить понятия ни о дарованиях, ни о *духе* писателя; в них «смешивается все, что написано в юности и в старости» (МТ. 1827. Ч. 16. С. 79), писателю приписываются софизмы и парадоксы выводимых им лиц. Между тем Е.А.Карамзина в письме к П.А.Вяземскому говорила об Н.Д.Иванчине-Писареве как о единственном, кто из стольких дружеских и красноречивых перьев взялся разорвать молчание⁴. Мнения Н.Д.Иванчина-Писарева лучше выдержали испытания временем, предстали более справедливыми, нежели критические нападки противников Карамзина (М.Т.Каченовского, Н.С.Арцыбашва, Н.А.Полевого), оказавшись в конечном счете ближе и к пушкинской итоговой оценке Карамзина («... великий писатель во всем смысле этого слова»⁵), и к тем акцентам, которые расставила сама история.

³ Иванчин-Писарев Н.Д. Письмо к кн. П.И.Шаликову // Сын отечества. 1819. – С. 85.

⁴ Архив братьев Тургеневых. Пг.: ОРЯС АН, 1921. Т. 1. – С. 54. Подлинник по-французски: «Nous n'avons pu nous empêcher de sentir une épingle dans la cœur en pensant que de tant de plumes amies et éloquentes celle de M-r Pissareff est la seule qui entreprenne de rompre le silence».

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 19 т. Репринтное воспроизведение издания 1935 – 1959: В 17 т. – М: 1994 – 1997. – Т. 12. – С.215.

В 1828 г. на страницах МТ князь П.А.Вяземский поместил свое стихотворение «Быль». В стихотворении Карамзин сравнивался с зодчим, который разрушил «древний храм готического зданья» и на развалинах «чертог воздвиг», поражающий своим величием, вкусом, силой и т.д. Однако, – пишет Вяземский:

Враги нашлись, но где ж? В семействе сов.

Из теплых гнезд изгнанники в дубравы

Они с стыдом пустились, и в дуплах

В досаде злой, в остервененье диком,

Совиный их ночной ареопаг

Труд зодчего позорил дерзким криком

(МТ. 1828. Ч. 23. С. 271 – 272).

В связи с этим П.М.Строев опубликовал «Пятое письмо к издателю «Московского вестника»: (1828. Ч. 12. № XXIII – XXI. С. 389 – 395), где согласился с мнением редактора-издателя этого журнала М.П.Погодина, который, вопреки П.А.Вяземскому, считал, что наука только выиграет от критики карамзинской «Истории», и сообщил о благосклонном отношении историка к тем критическим замечаниям, которые Строев высказал лично ему при встрече в Петербурге. В «совином ареопаге» Строев увидел незаслуженное унижение «ученых критиков» труда Карамзина⁶. В ответ на это в 1829 г. в МТ появилась статья О.М.Сомова «Антикритика. Хладнокровные замечания на толки гг. критиков Истории государства Российского и их сопричетников». Центром критики становится П.М.Строев. О.М.Сомов рисует живой облик Карамзина, приветливого и умного человека, чью светскую любезность навивный П.М. Строев принял за какое-то особое к себе расположение.

В 27 ч. МТ за 1829 г. была опубликована статья «История государства Российского. Сочинение Карамзина». Н.А.Полевой вновь строго ограничивает значение Карамзина рамками его времени и вновь предостерегает от возвеличивания автора «Истории...». «У Карамзина Полевой не находит идеи «философической истории», жалуется, что Карамзин «нигде не представляет нам духа народного, – писал Н.А.Энгельгард. – Надобно было соединить труды Шеллингов, Шлегелей, Кузенов, Шлегеров, Гердеров, Нибуров, узнать классицизм и романтизм, узнать хорошо политические науки, оценить надлежащим образом древних и т.д., и т.д., дабы могли бы наконец понять, что есть история? Как должно ее писать и что удовлетворяет наш век?» Все это приобрело особую пикантность, когда Полевой приложил при № 20 «Телеграфа» за 1829 г. следующее объявление

⁶ Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М.Карамзина в оценках современников.... – С. 131.

ние⁷, доказывающее, что сам Полевой, этот «остренький сиделец», по выражению Пушкина, все «узнал», «оценил», «соединил», «понял» и вполне созрел, чтобы написать историю России! <...>Первый том вышел в том же году. Ни по языку, ни по изложению, ни по историческим достоинствам он ничего собою не представлял. Пушкин назвал его пародией на Карамзина. Он к тому же полон темной, высокопарной, мнимофилософской болтовни. История Полевого никогда кончена не была, что доказывало ложь его объявления о «сочиненной», «изображенной» уже «полной истории отечества»⁸.

В 1829 г. в журнале «Славянин» (№№ XLVIII и XLIX) были помещены «Мои мысли о критике сочинителя Истории русского народа на Историю государства Российского». В современных исследованиях автор статьи называют то С.В.Руссова⁹, то А.Ф.Воейкова¹⁰. Однако в «Материалах для библиографии литературы о Н.М.Карамзине» С.И.Пономарева автором назван Алексей Перовский (на обложке отдельного оттиска «Моих мыслей ...» внизу от руки подписано *г. Перовского*, хотя, возможно, это владельческая подпись). При чем у Пономарева прибавлено: «Полевой думал, что статья принадлежит Воейкову; но он ошибся»¹¹. Ха-

рактик подстраничных примечаний, специально подписанных **В.**, позволяет думать, что автором самой статьи был действительно другой человек.

Статья представляет собой блестящую и уничтожающую критику на Н.А.Полевого. Автор «Моих мыслей ...» иронически обыгрывает намерение Полевого обозреть не только Историю государства Российского и другие сочинения Карамзина, но также взглянуть на всех его критиков и на «всех слепых приверженцев» историографа совсем с других сторон и «совсем особым от прочих критиков взглядом»¹². Далее словами самого Полевого, но с саркастическим оттенком, говорится, что он «возвышает Историографа, может быть, более, нежели осмелятся самые слепые приверженцы; но возвышает его с ответом, или с отчетом»¹³. Автор «Мыслей» поверяет суждения рецензента с другими его мнениями о тех же самых предметах и прежде всего, обращает внимание на противоречия в статье Полевого. Построив свой текст как ряд цитат из нее, автор «Моих мыслей ...» добавляет от себя лишь «Почему?» и «Потому», подчеркивая тем самым алогизм суждений Полевого, и благодаря этому достигает сильного комического эффекта.

«Рецензент восклицает: «Великий Карамзин! Великий Карамзин!» Не хотим «унижать историографа, кроме его истории не будет решительно другого творения, столь великого, обращающего на себя столь сильное всеобщее внимание отечественной публики»¹⁴. «Почему же велик Карамзин и почему, кроме его Истории не будет другого творения столь великого?» – «Потому, отвечает тот же самый рецензент – Полевой, – что целая половина каждой страницы его творения во многих отношениях подлежит критике, что истинная идея Истории Историографу недоступна, что он даже в названии его творения ошибся»¹⁵.

⁷ «Доныне у нас не было истории великого отечества нашего, которая, представляя вполне события, совершившиеся в русской земле, являла бы взорам просвещенного наблюдателя картину судеб России, в течение девяти с половиной веков, от начала русского народа до нашего времени. Мы ожидали такой картины от незабвенного Карамзина, мы радовались его бессмертному творению, но преждевременная кончина не допустила историографа кончить труд великий. Мне казалось однако ж, что при настоящем состоянии материалов и приготовленных трудов для русской истории, при совершенстве нынешних понятий об истории вообще, труд и желание сделать возможное по силам могут отчасти заменить великие таланты, и я осмелился писать историю отечества после Карамзина... Читатели увидят в с о ч и н е н н о й мною истории русского народа опыт полной истории отечества ...Я хотел изобразить жизнь русского народа, его политическое и гражданское состояние, его нравы, обычаи, так сказать, физиономию народа в каждом периоде, с того, в который дикий валяг приплыл на челноке своем к берегам Финского залива, до того, в который Александр явился победителем в Париже, и знамена Николая возвезались у врат Константинополя. Вот предмет изображенный мною. Вся история русского народа составляет двенадцать томов».

⁸ *Энгельгардт Н.А.* История русской литературы XIX столетия. – Т. 1. 1800 – 1850. Изд-е 2. Т-во А.С.Суворин. – СПб.: 1913. – С. 324.

⁹ Напр., в каталоге Российской национальной библиотеки.

¹⁰ *Козлов В.П.* История государства Российского Н.М.Карамзина в оценках современников.... С. 202.

¹¹ *Пономарев С.И.* Материалы для библиографии литературы о Н.М.Карамзине; к столетию его литературной деятельности (1783 – 1883). Тип. Имп. АН. – СПб.: 1883. – С. 116.

¹² «Мои мысли о критике сочинителя Истории русского народа на Историю государства Российского». Тип. Штаба отд. корп. внутр. стражи. – СПб.: 1829. – С. 1.

¹³ Там же. – С. 2.

¹⁴ «Мои мысли о критике сочинителя Истории русского народа на Историю государства Российского»... – С. 3. К этой фразе дается подстраничная сноска с указанием соответствующей страницы в XII книжке МТ и примечанием (6), доказывающим, что А.Ф.Воейков не был автором самой статьи, а лишь отчасти прокомментировал ее, проверив точность цитирования и подписавшись начальной буквой своей фамилии: «Действительно Н.А.Полевой написал это. Мы сличали. **В.**».

¹⁵ «Мои мысли о критике сочинителя Истории русского народа на Историю государства Российского»... – С. 4. И снова примечание публикатора «Моих мыслей...» (7), содержащее обороты, подтверждающие, что Воейков не был их автором: «Мы сверяли все суждения и мнения Г. Полевого, во всей *этой статье* (здесь и далее выделено мной – Л.С.) отмеченные, и можем уве-

Поставив на вид критику, что он присвоил себе исключительное право говорить о достоинствах и недостатках великого Карамзина всего лишь потому, что «посвящал себя с юности занятию историей»¹⁶, автор «Моих мыслей ...» называет статью Полевого «неприличною, чтобы не сказать более»¹⁷, и в заключение выражает уверенность, что двенадцать томов истории Русского народа Полевого «будут самую лучшую похвалу для Карамзина»¹⁸.

Некоторые существенные аспекты полемики вокруг «Истории государства Российского» Карамзина и, в связи с этим, вокруг «Истории русского народа» Н.Полевого освещены в обзоре Кс.А.Полевого «Взгляд на два обозрения российской словесности 1829 года, помещенные в «Деннице» и в «Северных цветах». Кс. Полевой поставил Карамзина выше Жуковского и Пушкина: «Можно ли сравнивать влияние Карамзина, преобразователя всей литературы своего времени, с влиянием Жуковского, действовавшего на одну поэзию, и Пушкина, который доньше оставался образцом в одном своем роде, следовательно, также не мог иметь влияния на литературу вообще? Жуковский и Пушкин были преобразователями в поэзии, но едва ли малейшее влияние имели они на общий дух нашей литературы, едва ли сколько-нибудь возбуждали они деятельность в современных прозаиках, ибо поэзия не составляет еще всей литературы. Влияние писателя на литературу возможно тогда только, когда сочинения его образуют какую-нибудь эстетику: так, Карамзин был истинным светилом русских литераторов его времени» (МТ. 1830. Ч. 31. С. 203 – 232).

В МТ было опубликовано посмертное слово о Карамзине как о «великом писателе и гражданине». В некрологе были представлены его заслуги в преобразовании российской словесности, отмечены его слава и популярность, он назван «народным писателем», которого читали «и во дворце и в хижинах» (МТ. 1826. Ч. 9. С. 84). Сочинение «Истории Российской» определено как важный подвиг. Но в последних строках все же ощущалась скрываемая мысль об ограниченности значения Карамзина его временем.

Русская периодика поместила несколько некрологов Карамзину. Из них явствовало одно: «22 мая 1826 года Россия лишилась одного

из великих мужей государственных, идеального верноподданного, друга царствующего дома, чьи заслуги были по достоинству оценены и вознаграждены»¹⁹. Пушкин писал Вяземскому из Михайловского: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?»²⁰. Лишь в 1827 году Вяземский напечатал анонимно отрывок из письма А.И.Тургенева под вызывающим названием «О Карамзине и молчании о нем литературы нашей...»²¹. «Ты прав, – так начинал Тургенев, – негодование твое справедливо. Вот уже скоро год, как не стало Карамзина и никто не напомнил русским, чем он был для них <...>. Жалею о Карамзине и о друзьях славы его, что не им, а мне досталось защищать его. Уступил бы им охотно в этом и остался бы при единственном сокровище, которого у меня, как у Карамзина, никто не отнимет, остался бы при моей любви к его памяти, при моей к нему благодарности, при воспоминании о последней, тихой минуте его жизни» (МТ. 1827. Ч. 9. С. 67 – 69). А.И.Тургеневу принадлежали самые проникновенные слова, которые повторили бы с ним Вяземский, Жуковский, Пушкин.

В 1827 г. в «Лейпцигской литературной газете» появилась рецензия на немецкий перевод восьми томов «Истории государства Российского». Тургенев откликнулся на нее заметкой, опубликованной в газете «Литературные листки» (1827. № 156). Оба текста были напечатаны в МТ под заглавием «Спор в немецких журналах об «Истории государства Российского». А.И.Тургенев отмечал, что «иностранные ученые не могли настоящим образом определить, на какую степень возвысился наш равно образцовый писатель как историк и как хранитель отечественных преданий. Доньше единственный в слоге, Карамзин, с благоразумным выбором, соблюдал также и мелкие исторические события в той великой и верной картине, где изобразил он нашу феодальную систему и ужасы междоусобия. Употребленный на сие труд скрыт в искусстве изображения. Кто без предубеждения читал предшественников Карамзина, тот знает, что его труду предшествовал хаос. Иностранец, не вполне обозревший материалы, служащие к составлению истории Российского государства, никак не может совершенно изменить пути, пройденного нашим изыскателем,

речь своих читателей, что ни одного чужого слова, ни одной посторонней мысли здесь не прибавлено и не искажено. Теперь *подвигимся* противоречиями издателя М.Т. самому себе! В.»

¹⁶ «Мои мысли о критике сочинителя Истории русского народа на Историю государства Российского»... – С. 18.

¹⁷ Там же. – С. 19.

¹⁸ Там же. – С. 20.

¹⁹ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. «Сквозь умственные плотины». – М.: 1986. – С. 84 – 85.

²⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 тт. – М.: 1997. – Т. 13. – С. 286.

²¹ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. «Сквозь умственные плотины»... – С. 85.

одаренным взглядом ясным и проницательным» (МТ. 1827. Ч. 18. С. 214).

Достоинство тургеневской интонации заключалось в том, что она не была ни восторженной, ни скептической, ни снисходительной. Уважение к писателю и историку, скорбь о его кончине и понимание истинного значения Карамзина отличали А.И.Тургенева, который не пы-

тался найти недостатки в труде историографа, или противопоставить ему какие-либо собственные начинания, а говорил о его истинных заслугах. Так на страницах МТ предстали разнообразные мнения, отразившие живой интерес к наследию Карамзина, стремление русских осмыслить, «чем он был для них».

N.M.KARAMZIN EVALUATED BY THE AUTHORS OF «THE MOSCOW TELEGRAPH»

© 2011 L.A.Sapchenko^o

Ulyanovsk State University

This article examines a wide spectrum of opinions on the creative activities of N.M.Karamzin that was reflected in the pages of the magazine «The Moscow Telegraph» in the course of 1825 – 1830s.

Keywords: critique of «History of the Russian State», «The Moscow Telegraph», evaluation of the role of N.M.Karamzin in Russian culture.

^o *Lubov Aleksandrovna Sapchenko, Doctor of Philology,
Professor of Philology Department.
E-mail: ssj-sla@mail.ru*